

Политическое «доминирование» Дж. Байдена в контексте технологий коммуникативного манипулирования (на материале английского языка)

Political “Dominance” of J. Biden within the Context of Communicative Manipulation Technologies (Based on the English Language)

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-4-72-79

Получено: 15 мая 2023 г. / Одобрено: 30 мая 2023 г. / Опубликовано: 26 августа 2023 г.

Н.Л. Грейдина

Д-р филол. наук, профессор,
профессор Дипломатической академии МИД РФ,
Россия, Москва, ул. Остоженка, 53/2,
e-mail: greidina@yahoo.com

N.L. Greidina

Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: greidina@yahoo.com

Аннотация

Научное исследование представляет собой коммуникативный анализ на основе интерпретационной модели речевого поведения действующего президента США Дж. Байдена, демонстрирующего осуществление попытки политического доминирования в международном контексте высшего государственного уровня. Конструируемая форма коммуникативной репрезентации находит проявление на вербальном и невербальном уровнях. Определяются конкретные коммуникативные ходы, позволяющие полнообъемно воспринимать многомерность вкладываемого смысла. Коммуникативному анализу подвергается как широкий макроконтекстный, так и узкий микроконтекстный уровень политического дискурса. Глубокое рассмотрение обретает анализ одной из форм политического доминирования – угрозы, которая интерпретируется посредством способов коммуникативного манипулирования. Одной из форм психологического и тактического насилия в рамках политического дискурса является угроза. Последняя получает прагмакоммуникативную реализацию, отражая способы проявления в контексте средств коммуникативного манипулирования – как прямого, так и непрямого выражения. Изучению подвергаются медийные материалы текстового и видеформата. Проведенное исследование вносит ряд уточняющих теоретических позиций в понимание теории и практики коммуникативных манипуляторных технологий.

Ключевые слова: политическое доминирование, технологии коммуникативного манипулирования, коммуникативный анализ, репрезентативная форма коммуникации, вербальный уровень, невербальный уровень, тактика угрозы.

Abstract

The research is a communicative analysis based on the interpretative model of speech behaviour of the incumbent US President J. Biden, demonstrating the implementation of an attempt of political dominance in the international context of the highest state level. The constructed form of communicative representation finds expression on the verbal and nonverbal levels. Specific communicative moves determined allow us to fully perceive the multidimensionality of the embedded meaning. Both the broad macro-textual and narrow micro-textual levels of political discourse are subjected to communicative analysis. The study of a political domination structure, the threat, interpreted through the means of communicative manipulation, acquires a deep consideration. One of the forms of psychological and tactical violence within the framework of political discourse is a threat. The latter receives a pragmatic implementation, reflecting the ways of manifestation in the context of communicative manipulation means – both of direct and indirect expression. Media materials in text and video formats are being studied. The conducted research introduces a number of clarifying theoretical positions in understanding the theory and practice of communicative manipulation technologies.

Keywords: political dominance, technologies of communicative manipulation, communicative analysis, representative form of communication, verbal level, nonverbal level, threat tactics.

Введение

Исходя из того факта, в соответствии с которым лингвистический переворот второй половины XX в. отразил особую роль языка и речи в процессах функционирования реальности, важно признать и закрепить их специфическую функцию в этой сфере.

При этом целесообразно указать на следующий поворот, в основе которого находится очередное прагмафункциональное свойство коммуникации не только по интерпретации реальности, но и ее созданию. В данном контексте реальность воспринимается не только на социальном, но и политическом уровне. Соответственно феномен коммуникации не только и не столько отражает существующую политическую реальность, не только интерпретирует, но и создает ее. В рамках внимания политиков появляются не события, формирующие внутренний и внеш-

ний политический контекст, а процессы, средства их конструирования в поле коммуникации.

Как результат данный феномен приобретает онтологические свойства, способствующие проявлению акторских функций в рамках политического поля коммуникации. В этом русле обнаруживается экзистенциальная сущность коммуникации. При этом коммуникативная практика становится основой глобального процесса медиатизации политического дискурса. Результатом становится оказание глобального информационного воздействия на все человечество.

Глобальная политика обретает прочный фундамент в форме манипуляторной деятельности средств массовой информации, не только обеспечивающих, но и создающих требуемый вектор развития. Более того, средства массовой информации формируют единое

символическое пространство конкретной этнокультуры, подсознательно воздействуя на массовое восприятие и понимание действительности [11, с. 26]. Соответственно, политический дискурс начинает существовать и рассматриваться в рамках символического пространства. Основой создания новой политической реальности выступает система интерпретации социально-политических событий.

Цель исследовательской работы состоит в определении комплекса способов коммуникативного манипулирования в рамках политического дискурса при реализации стратегии доминирования.

Методы и материалы

Базовой методологией в рамках данного исследования является метод интерпретации как способ научного познания посредством анализа внешних проявлений в целях установления транслируемых смысла и значений. При этом рассматривая значение, исследователь предъясвляет закрепленную систему понятийно-логических связей, скрывааемых за внешним коммуникативным проявлением. Разработка категории смысла предусматривает осуществление определенной контекстуальной надстройки, реализуемой в конкретное время и определенном месте, которые формируют рамки коммуникации. На основе понятийно-логических связей смысловые отношения затрагивают стилистические, эмоциональные и иные коммуникативные регистры.

На основе интерпретационной теории Э.Т. Бетти [1] осуществляется коммуникативный анализ конкретных ситуаций политического дискурса. В частности, конкретные коммуникативные проявления на языковом или речевом уровне соотносятся в рамках интерпретации с общей политической канвой. Подобный подход позволяет реализовать взаимодействие значенческой и смысловой составляющих, придать коммуникативному фрагменту когнитивную связность, соединив его с целостной политической ситуацией. В свою очередь, данные шаги привнесут определенную объективизированность в процесс выведения смыслового конструкта анализируемого коммуникативного контекста политического характера. Коммуникативный контекст представляет собой «репрезентативную форму» (в терминологии Э.Т. Бетти) [1, с. 68], транслирующую мысли и идеи между коммуникантами, которые могут быть как активными, т.е. речепорождающими субъектами, так и пассивными, т.е. речевоспринимающими субъектами, включая внеконтекстную (т.е. всю целевую) аудиторию, вне зависимости от ее дислокации. Обладая определенным значением, «репрезентативная форма» нацелена на трансляцию определенного смысла, который передается от речепорождающего комму-

никанта к речевоспринимающему. «Репрезентативная форма» в рамках данного исследования отражается как на вербальном, так и невербальном уровне. Она конструирует специфику восприятия когнитивных матриц этнокультурного воздействия посредством определенных коммуникативных ходов по кодированию смысла, его многомерности и способности их адекватного декодирования в плоскости собственной этнокультуры на основе общей политической ситуации.

Результат использования интерпретационного метода проявляется в дальнейшей компетентностной трансляции дешифрованного «послания» на основе привлечения, с одной стороны, широкого политического макроконтекста, с другой стороны, узкого анализируемого политического микроконтекста [8, с. 95].

Материалом исследования выступили представленные СМИ США речи действующего 46-го президента США Дж. Байдена за период 2021–2023 гг., которые были получены методом сплошной выборки. Общее количество подвергнутых анализу речей составляет 12 единиц (под единицей исчисления понимается представленная СМИ США публичная речь, носящая завершенный характер).

Результаты

С приходом к политической власти в США Дж. Байдена процессы манипулирования общественным мнением стали стремительно усиливаться. Речевой лозунг его предвыборной кампании *America is back* («Америка вернулась»), звучащий конструктивно и миролюбиво, в результате оказывается не просто сверхполитическим доминированием, но цивилизационным насилием.

Смысловые послылы действующего президента Дж. Байдена нацелены на оказание воздействия на мировую общественность. В рамках исследования рассматривается манипулирование в форме политического доминирования. Данный вектор внешней политики США приводит и заместитель министра иностранных дел России С.А. Рябков — «сохранить и по возможности усилить позиции собственного доминирования в разных областях» [17].

В свою очередь, политическое доминирование предусматривает возможность оказания воздействия на деятельность второй стороны посредством авторитета, закона и права, насилия, ряда других способов [16, с. 103].

Одной из форм психологического и тактического насилия в рамках политического дискурса является угроза. Последняя может достигаться и посредством коммуникативного манипулирования [7, с. 103], которое понимается как целенаправленное оказание влияния на аудиторию на основе использования

коммуникативных стратегий и тактик [10, с. 168]. При этом политическое доминирование рассматривается в рамках теории дискурса, отражающем коммуникативный процесс и его результат в конкретном контексте на основе вербальных и невербальных средств коммуниканта.

Вербальные средства проявления попыток (при этом зачастую тщетных) политики «доминирования» находят отражение в рамках использования анализируемой коммуникативной тактики:

There were no threats, there were just statements: if you do this, I will do this [22] («Угроз не было, были просто утверждения: если ты сделаешь то, я сделаю это») (перевод мой. — Н.Г.).

Оттенок угрозы приобретают условно-следственные отношения дальнейшего взаимодействия двух стран в рамках политического дискурса. Важно отметить, что концепт условия, по мнению ряда исследователей [15, с. 65], относится к универсальным с языковой точки зрения семантическим примитивам. При этом внимание аудитории фокусируется не на вербальных угрозах, которые президент США обходит вниманием. Угроза непосредственно вводится деликатными формулировками *just letting him know* («просто сообщаю ему»), *I made it clear to him* («Я ясно дал ему понять») или *I wanted him understand* («Я хотел, чтобы он понял»):

And so there were no threats just simple assertions made and, well, if you do that, then we'll do this, with anything I said. It was just letting him know where I stood, what I thought we could accomplish together, and what, in fact, if there were violations of American sovereignty, what we would do [22] («И поэтому не было никаких угроз, только простые утверждения, и, что ж, если вы сделаете это, тогда мы сделаем это, учитывая все, что я сказал. Это просто давало ему (президенту России В.В. Путину. — Н.Г.) понять, на чем я стою, чего, по моему мнению, мы могли бы достичь вместе и что, на самом деле, если бы имели место нарушения американского суверенитета, что бы мы сделали») (перев. мой. — Н.Г.).

Соответственно системное значение языковых единиц, транслирующих прагмакоммуникативную категорию угрозы, не отражает коммуникативный смысл, который передается средствами языка.

Несмотря на внешнее проявление отрицания использования категории страха по отношению к партнеру по политической коммуникации, президент США Дж. Байден указывает на привлечение прагматической модели алгоритмизации условий, создающих непрямой вариант угрозы. В данном случае в контексте комиссива проявляется тактика непрямой угрозы, закамуфлированной посредством создания причинно-следственных отношений в формате политической практики.

Примеры тактики непрямой угрозы связываются с использованием слоя вербально-когнитивных намеков, которые, не называя конкретные понятия, способствуют появлению неполного знания и понимания и, как результат, возможного создания психологической атмосферы страха:

...I wanted President Putin understand why I say what I say and why I do what I do and how we'll respond to specific kinds of actions that harm America's interest [22] («...Я хотел, чтобы президент Путин понял, почему я говорю то, что я говорю, и почему я делаю то, что я делаю, и как мы будем реагировать на конкретные действия, которые вредят интересам Америки») (перев. мой. — Н.Г.).

Приводимый ниже пример указывает на категорию угрозы для создания большей напряженности:

I made it clear to him that I believe the consequences of that would be devastating for Russia [22] («Я ясно дал ему понять, что считаю, что последствия этого будут разрушительными для России») (перев. мой. — Н.Г.).

Следующий пример, отражающий тактику непрямой угрозы, проявляется в указании конкретных запретов на перечень действий со стороны российского руководства и ответных шагов обобщенного характера:

I made it clear that we will not tolerate attempts to violate our democratic sovereignty or destabilize our democratic elections and we would respond [22] («Я ясно дал понять, что мы не потерпим попыток нарушить наш демократический суверенитет или дестабилизировать наши демократические выборы, и мы ответим») (перев. мой. — Н.Г.).

Непрямая угроза может сочетаться с аллюзией на известный факт подобной практики в прошлом:

He knows I will take actions like we did this last time out. What happened was we in fact made it clear that we were not going to continue to allow us to go on [22] («Он (Путин. — Прим. Н.Г.) знает, что я буду действовать так же, как мы поступили в прошлый раз. Что произошло, так это то, что мы фактически ясно дали понять, что не собираемся позволять нам продолжать в том же духе») (перев. мой. — Н.Г.).

Непрямая угроза может быть выражена посредством обозначения некоторых из возможных предпринимаемых мер:

The end result was we ended up withdrawing ambassadors, we closed down some of their facilities in the United States... [22] «Конечным результатом стало то, что мы отозвали послов, закрыли некоторые их объекты в Соединенных Штатах...» (перев. мой. — Н.Г.).

Наряду с этим непрямо угроза может носить обобщенный характер:

He knows there are consequences [22] («Он (Путин. — Прим. Н.Г.) знает, что это влечет за собой последствия») (перев. мой. — Н.Г.).

Непрямая угроза проявляется и в форме уклонения от прямого ответа на вопрос журналиста с целью создания ситуации односторонней неизвестности и нагнетания обстановки:

Look, one of the consequences that I know... I don't know. I shouldn't say [22] «Послушайте, одно из последствий, которое я знаю... Я не знаю. Я не должен говорить» (перев. мой. — Н.Г.).

Косвенный запрет на определенные действия посредством указания на неспособность партнера это выполнить на фоне преувеличения собственной силы:

They are not able to dictate what happens in the world. There are other nations of significant consequence, the United States of America being one of them [22] «Они не в состоянии диктовать, что происходит в мире. Есть и другие страны, имеющие значительное значение, и Соединенные Штаты Америки являются одной из них» (перев. мой. — Н.Г.).

Невербальные средства преимущественно соотносятся с тактикой косвенной угрозы и проявлением политики «доминирования» президента США Дж. Байдена. Они отражают как жестовый, мимический, так и проксемический комплекс.

В рамках представления анализа жестового комплекса Дж. Байдена одним из наиболее репрезентативных средств являются сжатые кулаки обеих рук, поднятые на уровне груди:

America must lead in the face of this existential threat... [23] («Америка должна руководить в условиях этой экзистенциальной угрозы...») (перев. мой. — Н.Г.).

Данная жестовая единица коммуникации синхронизирована с вербальным элементом *threat* (угроза), акцентируя внимание на смысловое ядро высказывания и заставляя своих потенциальных избирателей осознать атмосферу угрозы, которая далека от реального воплощения.

В некоторых случаях на фоне смягченной экспрессии политическое «господство» политика отражается посредством размахивания одного сжатого кулака в той же уровневой позиции:

We are a country that does big things [23] («Мы страна, которая вершит великие дела») (перев. мой. — Н.Г.).

Анализируемый жест совпадает в коммуникативной реализации с вербальной единицей *big* (в данном контексте — великий), уточняя собственное видение политического лидера на вектор осуществления внутренней и внешней политики США и отвлекая внимание граждан США от рекордной безработицы, инфляции и случаев заражения КОВИД-инфекцией. Наряду с этим внимание американцев переключается с критически низкого рейтинга ободрения Дж. Байдена на посту президента США — 56% вы-

ражают неодобрительное мнение о результатах его политики на фоне 4% неопределившихся [5].

Подобное использование жеста политического «доминирования» демонстрирует агрессивность, силу и власть в попытке повести общественность на выполнение провозглашенных глобальных планов.

Жестовый сигнал, который проявляется в экспликации указательных пальцев обеих рук, изображающих виртуальный отрезок, на уровне плеча при сомкнутости всех остальных пальцев, отражает попытку Дж. Байдена взять ситуацию под контроль, оказать давление на слушателей и подчинить их:

These investments are going to create jobs, maintain America's competitive edge globally and ensure all Americans share in the dividends [23]. («Эти инвестиции создадут рабочие места, поддержат конкурентоспособность США на глобальном уровне и обеспечат американцам соответствующую долю при распределении дивидендов») (перев. мой. — Н.Г.).

Данный жест используется совместно с речевой единицей *are going*, создавая прочное впечатление у граждан США в контроле над ситуацией и способности руководства страны оказывать «влияние» на международном уровне.

Похожий жест Дж. Байдена, демонстрирующий обе руки, обращенные полуоткрытыми ладонями друг к другу, на уровне груди, свидетельствует о призыве политика к вниманию общественности и обозначению правильности намеченного курса. При этом общественность должна покорно согласиться с позицией политика без указания доводов и причин, так как большая часть информации является скрытой (ладони выступающего не обращены к аудитории):

American leadership must meet this new moment of advancing authoritarianism, including the growing ambitions of China to rival the United States and the determination of Russia to damage and disrupt our democracy [23]. («Американское руководство должно соответствовать этому новому моменту продвижения авторитаризма, включая растущие амбиции Китая по соперничеству с Соединенными Штатами и решимость России нанести ущерб и подорвать нашу демократию») (перев. мой. — Н.Г.).

В процессе проведения коммуникативного анализа данного жеста обращает на себя внимание его временная сочетаемость с лексической единицей *must*, указывая на безальтернативность выбранного внешнеполитического курса и истинное обозначение целей и средств их достижения такими странами как Россия и Китай.

Очередным жестом «доминирования» политика являются сцепленные пальцы рук, отражающие отсутствие намерений вступать в открытый диалог с аудиторией. Являясь «доминирующей» фигурой в

коммуникативном политическом контексте, очевидно, по мнению президента США, в этом отсутствует необходимость:

We will not hesitate to raise the cost on Russia and defend our vital interest in our people. And we will be more effective in dealing with Russia when we work in coalition and coordination with other like-minded partners [23]. («Мы, не колеблясь, возложим ответственность за повышение цен на Россию и защитим наши жизненно важные интересы в отношении нашего народа. И мы будем более эффективно взаимодействовать с Россией, работая в коалиции и координации с другими партнерами-единомышленниками») (перев. мой. — Н.Г.).

Жестовый сигнал политика приходится на отрицание *will not*, придавая данному смысловому элементу особе контекстное значение, обозначая непреклонность выбранного курса и отсутствие необходимости вести диалог с гражданами страны по этому вопросу.

Прикосновение к солнцезащитным очкам одной или двумя руками синхронно, представляет собой довольно частотный жест Дж. Байдена, демонстрирующий попытку сокрытия важной от общественности информации [21].

В целевых позициях Дж. Байдена и его администрации было создание ловушки, которая бы стимулировала руководство России поверить обещаниям США [6], с одной стороны, и отождествлять предложения Дж. Байдена с решениями всего западного мира (целенаправленно действующий президент США перед поездкой в Швейцарию провел встречи с главами западных государств на уровнях G-7, ЕС, НАТО) [9], с другой стороны.

Проксемический комплекс Дж. Байдена отражает его позу во время политических переговоров с лидерами других стран и проявляется в перекрестной позиции «нога на ногу». При этом обе руки со скрещенными пальцами опираются на ноги, спина выпрямлена и располагается вдоль спинки кресла. Подобный невербальный комплекс подтверждает внутренний настрой политика продемонстрировать уверенность в своей позиции и оказать давление на партнера по коммуникации. Одним из примеров актуализации данного невербального сигнала в попытке (как оказалось, безрезультатной) оказать давление является встреча с президентом России В.В. Путиным в Женеве в 2021 г.:

I came to speak from a position of strength! And I want to convey to you what I want to convey! [18]. («Я приехал говорить с позиции силы! И хочу донести до Вас то, что хочу донести!») (перев. мой. — Н.Г.).

Представленные высказывания произносятся на фоне актуализации вышеобозначенного проксемического комплекса президента США Дж. Байдена.

Мимическое проявление попытки доминирования связывается с широкой улыбкой и демонстрацией зубов как признака стремления к политическому господству [18].

Соответственно наиболее частотно проявляет себя жестовый канал при отражении попыток доминирования посредством угрозы, а наименее частотно-мимический. Данные получены посредством использования среднеарифметического вычисления (табл. 1).

Таблица 1

Невербальные тактики угрозы на фоне речевых в речи президента США Дж. Байдена

Наименование невербальной тактики угрозы	Частотность использования в речи (%)
Мимическая тактика	1,5
Жестовая тактика	83
Проксемическая тактика	15,5

Достаточно нетипичный феномен, который проявляется в мимике Дж. Байдена. Он состоит в гипомимичности (т.е. слабовыраженных лицевых проявлений), доходящей до полной амимичности (т.е. отсутствия проявления выразительных движений лица). Несмотря на общее восприятие непроизвольного (или рефлекторного) характера мимической демонстрации, мимика действующего президента США Дж. Байдена проявляет наименее выраженных статус. Очевидно, подобный подход используется целенаправленно для сокрытия собственных чувств и эмоций, в том числе внутреннего стремления к доминированию.

Действительно, в рамках встречи Дж. Байден предпринял попытку осуществить политическое доминирование и оказать давление на президента России В.В. Путина, создавая собственными проксемическими невербальными сигналами соответствующую атмосферу диалога. Однако эти попытки оказались безуспешными. В лице президента В.В. Путина Россия продемонстрировала несостоятельность порядка однополярного мира, основанного на политическом доминировании США, и свою дипломатическую миссию в решении актуальных проблем международного уровня.

Дискуссия

Стратегия доминирования имеет свои корни в теории игр, обозначая такую ситуативную позицию, при которой действия одного игрока обеспечивают больший выигрыш по сравнению с совершением других действий, вне зависимости от поведения оппонента [3, с. 16].

Стратегия доминирования рассматривается в данном исследовании в рамках процесса манипулиро-

вания, под которым понимается способ воздействия, стимулирующий появление у партнера намерений, не совпадающих с его актуальными желаниями [12, с. 63].

Процесс политического доминирования как коммуникативная стратегия представляет собой комплекс коммуникативных действий, нацеленных на оказание воздействия на партнера (индивидуального или коллективного), для его стимулирования к проявлению программируемых (выгодных и желаемых) актором реакций.

Коммуникативная стратегия складывается из серии коммуникативных тактик, планомерное использование которых приводит к достижению цели. В рамках данной работы целевым ориентиром являются попытки реализации политического доминирования.

Одной из частотно используемых коммуникативных тактик в составе корпуса стратегии политического «доминирования» президента США Дж. Байдена является тактика угрозы. Манипуляторный потенциал данной тактики проявляется в апелляции к эмоциям партнера, в частности к эмоциональной категории страха. Подобный искусственно создаваемый страх должен стимулировать иррациональное, при этом достаточно «действенное средство» [14, с. 48] ввиду его возможной способности отключать разум и защитные механизмы.

Анализ исследовательского материала свидетельствует о несимметричности отношений между формой выражения и содержания высказываний, отражающих угрозу в политических речах действующего президента США Дж. Байдена. Таким образом, проявляется несоответствие между языковыми формами и коммуникативными смыслами.

Важно отметить, что, несмотря на некоторые исследования [2, с. 132], указывающие на обязательное ожидание семантики деструктивного характера в поле выражения угрозы, наблюдается частотное использование нейтральной семантики на фоне маркерной соотнесенности действия с будущим со стороны адресанта при реализации действий адресатом. Частотно логическая структура угроз, выражаемых Дж. Байденом на посту президента США, укладывается в парадигму директивы по предупреждению или запрету на выполнение конкретного действия в рамках одной части и комиссива по нанесению ущерба — в другой части высказывания. При этом директивная часть является условием, а комиссивная — следствием. Прагмаанализ на основе интерпретации позволяет сделать вывод относительно определенной тенденции по имплицированию комиссива и эксплицированию директива. Именно директив оvesществляет попытку по достижению «доминирования» в структуре политического дискурса.

Из выделенного [13, с. 38] комплекса речевых способов выражения угрозы в рамках данного исследования дифференцируются прямой эксплицитный способ, указывающий на все условия реализации угрозы, и косвенный эксплицитный способ, отражающий основные или несколько условий из всего перечня для осуществления угрозы на фоне импlications всех остальных. Прагмакоммуникативный потенциал последнего четко демонстрирует его актуальность в контексте современного американского политического дискурса (табл. 2).

Таблица 2

Вербальные тактики реализации угрозы в речи президента США Дж. Байдена

Наименование вербальной тактики угрозы	Частотность использования в речи (%)
Прямая эксплицитная	11
Косвенная эксплицитная	89

Необходимо поддержать позицию З. Вендлера [4], свидетельствующую относительно определенной лимитированности речевых высказываний угрозы, получившей название «иллокутивное самоубийство». Последнее состоит в невозможности использования перформативной позиции в рамках данной прагма-ориентации высказывания. При этом все более входит в противоречие с временем позиция о нейтрализации агрессивного потенциала в случае открытого выражения коммуникантом собственных намерений. Изучение речей нынешнего президента США Дж. Байдена является подтверждением обозначенного несоответствия.

Можно с определенной уверенностью утверждать, что Дж. Байден как президент США использует высказывания угрозы на международном уровне в адрес российского руководства в целях оказания воздействия и изменения модели стратегического поведения.

Особенностью речевых актов угрозы — иллокутивная сила речевых высказываний Дж. Байдена не достигает перлокутивного эффекта.

Выводы

Реализация тактики угрозы в рамках стратегии политического «доминирования» характеризуется комплексом типов, к которым можно отнести как ее прямой, так и косвенный вид, в обоих случаях отражающий условно-следственные или причинно-следственные отношения в формате политической практики.

Вербальные средства выражения политического «доминирования» являются преобладающими по сравнению с невербальными способами. Последние выступают в функции сопровождения, дополнения и усиления вербальных ресурсов. На уровне невер-

бальных способов оказания воздействия средствами манипулирования преобладающими являются жестовые сигналы, за которыми следуют проксемические и мимические коммуникативные знаки.

Использование президентом США Дж. Байденом стратегии политического «доминирования» на основе тактики угрозы представляет собой практическое развитие идеи мирового господства США, сформулированной З.К. Бжезинским [19]. Геостратегический императив З.К. Бжезинский связывает со стратегией политического доминирования на Евразийском континенте, обосновывая, что данный вектор является ключом к общемировому доминированию [19, с. 26]. В рамках данной стратегии целевые ориентиры на Россию занимают одну из приоритетных позиций.

При этом автор концепции открыто выражает удовлетворение в том, что Евразия достаточна велика для политического единства и соответственно рассматривается в качестве «шахматной доски» [19,

с. 39], на которой продолжается борьба за мировое господство.

Стратегия политического «доминирования» президента США Дж. Байдена связывается и с позицией С.П. Ханнингтона [20, с. 38] о доминировании США на мировом пространстве. При этом исследователь убежден в том, что в мире без доминирующей роли США будет значительно больше места насилию и хаосу. Именно господство США в мире, по мнению аналитика, является гарантией благосостояния и безопасности не только американского народа, но и всех других.

В данном контексте релевантно звучит высказанное президентом России В.В. Путина мнение относительно попыток политического доминирования США: «А наносные вещи, связанные с тем, чтобы любой ценой обеспечить свое доминирование, эти эгоистические подходы... Они не дают возможности эффективно функционировать всему международному сообществу» [17].

Литература

1. Бетти Э.Т. Общая теория интерпретации [Текст] / Э.Т. Бетти. — М.: АСТ, 2021. — 138 с.
2. Бут Н.А. Некоторые особенности употребления речевых актов угрожающего характера [Текст] / Н.А. Бут // Труды ТГТУ. — 2019. — № 3. — С. 132–135.
3. Васин А.А. Некооперативные игры в природе и обществе [Текст] / А.А. Васин. — М.: Русское слово, 2022. — 416 с.
4. Вендлер З.К. Иллокутивное самоубийство [Текст] / З.К. Вендлер. — М.: Слово, 2022. — 139 с.
5. Вишнякова В.К. Байден стал одним из самых непопулярных президентов США [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2022/61e56d0b9a79472c6fbcaa4c> (дата обращения: 08.04.2023).
6. Гарбузов В.Н. Тайны саммита Путин-Байден. Кто на самом деле попал в ловушку [Электронный ресурс]. — URL: https://tsargrad.tv/articles/tajny-sammitya-putin-bajden-kto-na-samom-dele-popal-v-lovushku_370330 (дата обращения: 3.04.2023).
7. Грейдина Н.Л. Медийная агрессия в контексте политической коммуникации (на материале британских и американских СМИ) [Текст] / Н.Л. Грейдина // НИР. Современная коммуникативистика. — 2022. — № 2. — С. 102–107.
8. Грейдина Н.Л. Метафоризация медийного образа России (на материале английского языка) [Текст] / Н.Л. Грейдина // НИР. Современная коммуникативистика. — 2023. — № 2. — С. 94–98.
9. Грецкий И.В. Как Байден и Путин съездили в Женеву [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2021/06/17/1907108.html> (дата обращения: 06.04.2023).
10. Дейк Т. Дискурс и власть [Текст] / Т. Дейк. — М.: Эксмо, 2019. — 346 с.
11. Дзялошинский И.М. Журналистика в поисках модели развития [Текст] / И.М. Дзялошинский // Гуманитарный вектор. — 2021. — № 6. — С. 23–29.
12. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Текст] / Е.Л. Доценко. — М.: АСТ, 2019. — 348 с.
13. Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагматического анализа (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.О. Жучков. — Воронеж, 2010. — 78 с.
14. Кура-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием [Текст] / С.Г. Кура-Мурза. — М.: Логос, 2019. — 496 с.
15. Пирогов Н.А. Выражение условно-следственных отношений в немецком и русском языках (на материале бессоюзных предложений) [Текст] / Н.А. Пирогов, С.В. Омельченко // Вестник УЮрГУ. Серия «Лингвистика». — 2009. — № 2. — С. 65–70.
16. Швец Л.Г. Доминирование и влияние в структуре современной российской власти: проблемы и тенденции развития [Текст] / Л.Г. Швец // Государственное и муниципальное управление. — 2017. — № 2. — С. 101–106.
17. Эгоистичное доминирование в мировой политике — это путь в никуда [Электронный ресурс]. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/b5705143> (дата обращения: 18.04.2023).
18. Biden and Putin meeting in Geneva [Электронный ресурс]. — URL: <https://cnn.com/world/live-news/biden-putin-meeting-geneva/index.html> (дата обращения: 08.04.2023).
19. Brzezinski Z.K. The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. New York: Basic Books, 2017. 248 p.
20. Huntington S.P. Who are we? The challenges to America's national identity. New York: Appleton, 2022. 269 p.
21. Joe Biden arriving to meet Putin in Geneva. URL: <https://rutube.ru/video/1fc0bdf5de688c442f299191ca2616a1> (дата обращения: 03.04.2023).
22. Joe Biden Press Conference transcript after meeting with Putin. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-press-conference-transcript-after-meeting-with-putin> (дата обращения: 11.04.2023).
23. Joe Biden speech on foreign policy. URL: <https://www.cnn.com/joe-biden-speech-on-foreign-policy-february-4-america-is-back> (дата обращения: 06.04.2023).

References

1. Betti E.T. *Obshchaya teoriya interpretacii* [General theory of interpretation]. M.: AST, 2021. 138 p.
2. But N.A. *Nekotorye osobennosti upotrebleniya rechevykh aktov ugrozhayushchego haraktera* [Some features of the use of

- threatening speech acts] // Trudy TGTU [Research works of TSTU]. 2019. № 3. P. 132–135.
3. Vasin A.A. *Nekooperativnye igry v prirode i obshchestve* [Non-cooperative games in nature and society]. M.: Russkoe slovo, 2022. 416 p.
 4. Vendler Z.K. *Illokutivnoe samoubijstvo* [Illocutionary suicide]. M.: Slovo, 1985. 139 p.
 5. Vishnyakova V.K. *Bajden stal odnim iz samyh nepopulyarnyh prezidentov SShA* [Biden has become one of the most unpopular US presidents]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2022/61e56d0b9a79472c6fbcaa4c> (accessed: 08.04.2023).
 6. Garbuzov V.N. *Tajny sammita Putin-Bajden. Kto na samom dele popal v lovushku* [Secrets of the Putin-Biden summit. Who really fell into the trap]. URL: https://tsargrad.tv/articles/tajny-sammita-putin-bajden-kto-na-samom-dele-popal-v-lovushku_370330 (accessed: 03.04.2023).
 7. Grejdina N.L. *Medijnaya agressiya v kontekste politicheskoy kommunikacii (na materiale britanskih i amerikanskih SMI)* [Media aggression within political communication context (based on British and US media texts)]. *NIR. Sovremennaya kommunikativistika* [NIR. Modern communication science], 2022, № 2, pp. 102–107.
 8. Grejdina N.L. *Metaforizaciya medijnogo obraza Rossii (na materiale anglijskogo yazyka)* [Media image of Russia metaphorization (based on the English language)]. *NIR. Sovremennaya kommunikativistika* [NIR. Modern communication science], 2023, № 2, pp. 94–98.
 9. Greckij I.V. *Kak Bajden i Putin s'ezdili v Zhenevu* [How Biden and Putin went to Geneva]. URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2021/06/17/1907108.html> (accessed: 06.04.2023).
 10. Dejk T. *Diskurs i vlast'* [Discourse and power]. M.: Eksmo, 2019, 346 p.
 11. Dzyaloshinskij I.M. *Zhurnalistika v poiskah modeli razvitiya* [Journalism in search of a development model]. *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian vector], 2021, № 6, pp. 23–29.
 12. Docenko E.L. *Psihologiya manipuljacji: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. M.: AST, 2019, 348 p.
 13. Zhuchkov D.O. *Rechevoj akt ugrozy kak ob'ekt pragmalingvisticheskogo analiza (na materiale anglijskogo yazyka)* [The speech act of threat as an object of pragmalinguistic analysis (based on the English language)]. Dissertation for Ph.D. degree. Voronezh, 2010, 78 p.
 14. Kura-Murza S.G. *Manipuljacji soznaniem* [Manipulations of consciousness]. M.: Logos, 2019, 496 p.
 15. Pirogov N.A., Omel'chenko S.V. *Vyrazhenie uslovno-sledstvennyh otnoshenij v nemeckom i russkom yazykah (na materiale bessoyuznyh predlozhenij)* [Expression of condition and result relations in German and Russian (based on the material of asyndetic sentences)]. *Vestnik UYurGU. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Linguistics], 2009, № 2, pp. 65–70.
 16. Shvec L.G. *Dominirovanie i vliyanie v strukture sovremennoj rossijskoj vlasti: problemy i tendencii razvitiya* [Dominance and influence in the structure of modern Russian government: problems and development trends]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie* [State and municipal administration], 2017, № 2, pp. 101–106.
 17. *Egoistichnoe dominirovanie v mirovoj politike — eto put' v nikuda*. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/b5705143> (accessed: 18.04.2023).
 18. Biden and Putin meeting in Geneva. URL: <https://cnn.com/world/live-news/biden-putin-meeting-geneva/index.html> (accessed: 08.04.2023).
 19. Brzezinski Z.K. *The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. New York: Basic Books, 2017, 248 p.
 20. Huntington S.P. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York: Appleton, 2022, 269 p.
 21. Joe Biden arriving to meet Putin in Geneva. URL: <https://rutube.ru/video/1fc0bdf5de688c442f299191ca2616a1/> (accessed: 3.04.2023).
 22. Joe Biden Press Conference transcript after meeting with Putin. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-press-conference-transcript-after-meeting-with-putin> (accessed: 11.04.2023).
 23. Joe Biden speech on foreign policy. URL: <https://www.cnn.com/joe-biden-speech-on-foreign-policy-february-4-america-is-back> (accessed: 06.04.2023)